

Я знал одну женщину,
Она всегда выходила в окно.
В ее доме было десять тысяч дверей,
Но она всегда выходила в окно.
Она разбивалась насмерть,
Но ей было все равно.

«Тутанхамон».
«Наутилус»

Однажды он мне его показал. В тот день я болталась по торговому центру, выбирала Ритке подарок. Направилась к эскалатору на втором этаже, откуда-то вывернул парень в темной куртке, в надвинутой на глаза бейсболке, задел меня плечом, буркнул «извините» и пошел дальше. И я, кивнув в ответ, мол, нет проблем, задел и задел, со всяким бывает, вдруг ощутила толчок, но в сердце, и замерла, глядя ему вслед и чувствуя, как все внутри холодеет и сворачивается в тугой клубок.

Парень успел удалиться на десяток метров, обернулся под моим растерянным взглядом, лихо улыбнулся и помахал рукой. Жест этот можно было при желании расценить как прощальный, а можно и по-другому: он вроде бы предлагал следовать за ним, торопя и подбадривая: «Ну что стоишь, давай шевелись». Когда он повернулся, я увидела на его груди что-то вроде рюкзака, откуда торчала детская головка в смешной шапочке с ушками. И в это краткое мгновение разрозненные элементы вдруг сложились, точно кусочки мозаики, в разноцветное панно: парень в бейсболке, под которой он прятал лицо, и его лихая улыбка, и этот жест, но главное, главное — ребенок, которого он нес на груди, прижимая к себе... мой ребенок, потому что в ту минуту я не сомневалась, что поспешно удаляющийся парень — это Лукьянов.

— Саша! — заорала я, не помня себя, и бросилась за ним. Он свернул к лифту, ускоряя шаг, и через мгновение растворился в толпе, а я бежала следом, толкала спешащих людей и орала не переставая: —

Саша! — Народ расступался, глядя на меня, точно на безумную.

Я и была безумной. Добежала до лифта и бестолково заметалась по длинному проходу, пока лифт спускался вниз, и, перевесившись через перила, вновь увидела на первом этаже его... парня в темной куртке, выходящего из кабины, и опять бежала, теперь уже к эскалатору, а потом перемахивала через три ступеньки, на ходу сбросив сапоги и проклиная человека, придумавшего обувь на высоком каблукке, и глянцевую плитку пола, и эту проклятую толпу, в которой так легко затеряться.

Я металась по первому этажу, люди шарахались в разные стороны, и Саши среди них не было. А потом я его увидела на нулевом этаже, недалеко от выхода на парковку, и, зная, что не успею добежать ни до лифта, ни до эскалатора, перемахнула через ограждение, собираясь прыгнуть вниз, и тут же почувствовала чьи-то руки на своих плечах.

— Да она сумасшедшая! — вопил кто-то.

Я лежала на плиточном полу, двое дюжих парней держали меня, навалившись сверху, и перед тем, как потерять сознание, я еще раз увидела Сашу. Он стоял в лифте, опираясь ладонью в стеклянную стенку, и без улыбки смотрел на меня.

Очнувшись, я боялась открыть глаза. Лежала, сцепив зубы, не зная, где я, с одной мыслью: «Что теперь будет? Что будет, если Тимур узнает? А он непременно узнает о моей сумасшедшей выходке в торговом центре. Найдутся доброхоты, донесут». Я так старательно удерживала его от безумия, твердила: «Ребенок мертв», — а сама... сама сорвалась.

— Ну, вот, все в порядке, — услышала я чей-то голос и нехотя открыла глаза. И первым, кого увидела, был Тимур. Он сидел рядом, коснулся ладонью моего лица и улыбнулся.

— Привет, — сказал тихо.

И я ответила:

— Привет. — И заревела, наплевав на женщину в белом халате, что стояла рядом, на каких-то незнакомых людей, толпившихся за ее спиной, ревела, прижимаясь к его ладони, бормоча, как в бреду: — Все нормально.

— Поедем домой, — сказал он, и я с трудом поднялась, оглядываясь и пытаюсь понять, где нахожусь. Кабинет администрации торгового центра. Парни, что успели схватить меня, не дав спрыгнуть вниз, как выяснилось позднее, были охранниками, приставленными ко мне Тимуром. Они вызвали «Скорую» и позволили Тагаеву. Наверное, искренне считали, что поступают правильно. Жаль, что я не спрыгнула вниз, переломав себе ноги и шею в придачу. Это все-таки лучше, чем видеть его лицо, бледное, с вымученной улыбкой, и знать, что он сейчас чувствует. Бессилие для таких, как он, невыносимо, а невозможность защитить тех, кого любишь, способно попросту убить. Это страшная боль — быть рядом и не иметь возможности помочь. «Молчать, молчать, — твердила я, тупо разглядывая свои сапоги, что стояли возле дивана. — Если я скажу, что видела ребенка у Саши на руках, Тимура не удержать, не удержать от напрасных поисков, от бессмысленной надежды, от бесконечной боли. Молчать. И страдать в одиночестве. Я буду жить, сцепив зубы, и он, прекрасно зная, что происходит со мной, замкнется в себе, и все повторится: не будет нас, будем я и он, наедине со своим горем. Ты этого хотел, Саша?»

Тимур помог мне обуться, а потом подхватил на руки и понес из кабинета, прижимая к себе и пряча лицо в моих волосах, охрана шла следом, один из парней нес мою шубу, второй — сумку, оба старательно отводили взгляды. А я, обхватив Тимура за шею, вдруг сказала:

— Знаешь, я счастлива. — Он вскинул голову и посмотрел на меня, и стало ясно: внезапно пришед-

шие мне на ум слова были самыми правильными. — Я люблю тебя и счастлива, — повторила я и улыбнулась. — Не отпускай меня, ладно? — И он нес меня на руках до самой машины, и лицо его приобрело умиротворенное выражение, которое я замечала, лишь когда он спал, прижимаясь ко мне в полумраке спальни.

Я оказалась на заднем сиденье машины, и он был рядом, все еще обнимая меня, а я вздохнула, как будто после долгой дороги вернулась домой, и в самом деле почувствовала себя счастливой, ощущая его руки и тепло его тела. В квартиру мы вошли обнявшись.

— Хочешь чаю? — спросил Тимур, я кивнула, направилась в гостиную, где на диване лежал мой пес, погладила его и буркнула:

— Твой Лукьянов дурак. Все будет по-другому.

Сашка при этих словах посмотрел недовольно, зевнул и устроил морду на вытянутых лапах.

Тимур вернулся из кухни и сел рядом, машинально почесал пса за ухом, глядя куда-то в пол. «Он ни о чем не спросит, — поняла я. — Он будет молчать...»

— Я... я его видела, — первые слова дались мне с большим трудом. — То есть мне показалось, что это он. Парень в темной куртке, бейсболка надвинута на глаза... у него был ребенок. Я могла обознаться. — Тимур кивнул. — Не молчи, — попросила я.

— Ты могла обознаться, — согласился он.

— Или нет. И это действительно был Лукьянов, — нахмурившись, сказала я. — Он хотел, чтобы я его увидела. Увидела ребенка. Он намерен продолжать игру. Только у него ничего не выйдет.

— Вопрос, как долго ты все это выдержишь, — со вздохом заметил Тагаев.

— Я выдержу. Если ты будешь рядом, выдержу. Помнишь, что ты мне обещал?

Он опять вздохнул.

— Помню. Я все помню. Но...

— Не знаю, где он взял ребенка, — торопливо заговорила я. — Это могла быть просто кукла, понима-

ешь? Мне стыдно, что я... я вела себя глупо. Сегодня он может собой гордиться — добился своего. Но второй раз повода радоваться у него не будет. Обещай мне, Тимур.

— Я сделаю все, что ты скажешь, — ответил он. — Больше всего на свете я хочу убить эту сволочь... вру, — усмехнулся он. — Больше всего на свете я хочу видеть тебя счастливой. Значит, я забуду о нем. Забуду, что хочу убить его и что он вообще есть на свете. Только... — Он резко отвернулся, не желая продолжать, но я знала, что он хочет сказать этим «только».

— Мы справимся, вот увидишь, — твердо сказала я, поражаясь своей уверенности.

— Конечно, справимся, — кивнул он, обнял меня и добавил тихо: — Я рад, что ты рассказала... — И в тот момент мне стало ясно: он боялся того же, что и я, молчаливого страдания в одиночку, невозможности пробиться сквозь эту боль, которая несет в себе одно отчуждение.

С того дня кошмар, преследовавший нас последние три месяца, внезапно кончился. Больше не было ночных звонков по телефону, когда я слышала, как в трубку плачет ребенок. Мой ребенок, которого я считала мертвым¹, в чем Лукьянов все три месяца пытался меня разубедить. Отошли в прошлое долгие консультации с самыми известными врачами, твердившими в один голос, что сохранить ребенка при полученных мною травмах было невозможно. Но, даже если допустить, что он каким-то образом выжил, после преждевременных родов ему бы потребовалась серьезная помощь, специальные аппараты и прочее, чего не было и быть не могло в клинике, где я очутилась. «Это невозможно», — повторяли они, и я им верила, но, будто заноза, сидело в мозгу: «А вдруг?» Лукьянов и

¹ Подробно об этой истории читайте в книге Т. Поляковой «Леди Феникс», издательство «Эксмо».

здесь оказался прав, это «а вдруг» не давало мне покоя, сводя на нет все мои старания забыть тот ужас.

Когда Тимур стал жить в моей квартире, на звонки по ночам отвечал он. Как видно, Лукьянова это не устраивало, и он придумал более действенное средство, в результате мы столкнулись с ним в торговом центре. Но после того памятного дня Саша исчез. Не звонил и никак иначе себя не проявлял. Что это было: признание того, что затянувшаяся игра ни к чему не приведет, или Лукьянов собирался преподнести мне очередной сюрприз? Хорошо его зная, я склонялась ко второму. Но ничего не происходило.

И я все реже думала о Саше, а если и думала, то без привычного страха. Иногда, среди ночи, я просыпалась в холодном поту и вдруг понимала: ничего не кончилось. Моя любовь к нему, запутанные отношения в странном любовном треугольнике, где действующими лицами были я, Тимур и Лукьянов, и та боль, которую мы причинили друг другу... Я могла бы решить: он понял, что зашел слишком далеко, и отказался от своих намерений, если бы была способна заподозрить в нем подобное благородство. В своих кошмарах я видела его убегающим, раненым, даже убитым и просыпалась в слезах, и тогда приходила мысль, что его исчезновение из моей жизни связано с обстоятельствами, весьма опасными для него. Человеку, который прятался под чужой личиной, не стоило являться сюда, и страх, что сны мои могут стать пророческими, заставлял меня стискивать зубы. Но и с этим я научилась бороться. Я больше не пялилась в потолок, а прижималась к Тимуру, спеша найти в нем поддержку и утешение, и страх уходил.

Вопреки моим опасениям, наши отношения с Тимуром вовсе не зашли в тупик. Словно по молчаливому уговору, мы избегали недомолвок и с готовностью шли на уступки друг другу. Я вернулась на работу к Деду. Тимуру это вряд ли нравилось, но возражать он не стал. Зато сделал мне предложение. Я его приняла,

прекрасно понимая: в сложившихся обстоятельствах отговорки типа «давай подождем» попросту разрушили бы наши отношения. Хотя кое-какие сомнения у меня были. Опять же не ясно, как к этому отнесется Дед, мой бывший любовник и благодетель, а ныне работодатель. Конечно, можно послать его к черту, но я по опыту знала: это проще сказать, чем сделать. Не так легко вычеркнуть его из жизни, слишком многое нас связывало.

Дед отнесся к моему замужеству как к неизбежному злу. Недавние события и его кое-чему научили.

— Поступай как хочешь, — сурово заявил он, когда я сообщила о своем намерении. — Если тебе интересно мое мнение, ты делаешь глупость.

— С чего вдруг? — усмехнулась я.

— В своем стремлении помочь ему ты заходишь слишком далеко, — отрезал он.

— Помочь? — вытаращила я глаза, хоть и догадывалась, что он имеет в виду.

— Разумеется. Твой Тагаев напоминает натянутую пружину. И если вдруг... впрочем, ты лучше меня знаешь, что будет, если это «вдруг» произойдет. Оттого и вбила себе в голову, что должна быть рядом. Глупость несусветная. Хотя... я тебя понимаю, Детка. Нутро у него звериное, и удержать его от этого зверства можешь только ты. Но меня мутит при мысли о твоей добровольной жертве.

— А тебе не приходила в голову мысль, что я люблю его? — хмуро спросила я.

— У меня в этом большие сомнения. Но тебя я вряд ли сумею переубедить. Жизнь покажет, кто из нас прав.

— Лучше бы ты пожелал мне счастья, — фыркнула я.

— А чего, по-твоему, я желаю, соглашаясь с этим дурацким решением? Ладно, выходи замуж, постарайся это пережить. А когда ты поймешь... не зыркай с огнем в очах, помни главное: я рядом. И если почувствуешь, что сваляла дурака... Надеюсь, ты наплюешь на

свою дурацкую гордость и просто скажешь мне об этом, а не будешь страдать, обманывая меня и себя, что совершенно счастлива.

По обоюдному согласию от пышной свадьбы мы с Тимуром отказались. Мне она была не нужна, да и о самолюбии Деда стоило все-таки подумать. Тагаеву важен был сам факт, а не присутствие на свадьбе двух сотен граждан, которые, по большей части, были нам безразличны. Однако он настоял на венчании, и хоть Дед скроил презрительную мину, бросив с неприязнью:

— Вот уж не думал, что он у нас верующий, — я с готовностью согласилась.

Мне будущая свадьба представлялась так: заедем в загс, распишемся, потом отправимся в церковь, где нас обвенчают, после чего поедем домой и поужинаем в одиночестве. Но тут выяснилось, что Тимур представлял себе все несколько иначе. И в загс я отправилась, как и положено невесте, в белоснежном платье, фате и в лимузине. Жених надел мне на палец кольцо с бриллиантом. На внутренней стороне кольца была надпись: «Навсегда». Его кольцо было скромным, но надпись та же. Венчание происходило в кафедральном соборе. С моей стороны присутствовали Ритка с мужем и Лялин с Вешняковым, оба с женами. Приглашать Деда я не рискнула, чтобы не ставить его в неловкое положение. Однако за двадцать минут до венчания он сам явился. Его охрана и охрана Тимура позаботились о том, чтобы посторонних в храме не было. Так что никто не узнал: венец над Тимуром держал Дед, стоя рядом с Риткой, которая держала венец надо мной, при этом по неизвестной причине обливалась слезами. Данному торжественному событию предшествовал десятиминутный разговор моих мужчин с глазу на глаз, в укромном уголке храма, куда Дед удалился под руку с Тагаевым. Что они успели сказать друг другу, мне неизвестно. Но после венчания Дед заявил зловещим шепотом:

— Сделаешь ее несчастной, своими руками придушу.

На что Тимур ответил без намека на почтение:

— Держись подальше от моей жены.

Дед досадливо плюнул и удалился.

Из собора мы отправились в ресторан, который был также оцеплен охраной. Ужин длился часа четыре, присутствующие, как им и положено, произносили тосты, кричали «горько», а мы целовались, как положено жениху и невесте. Гостей было немного, в основном приятели Тимура, все старательно улыбались, однако на лицах читалось сомнение, высказать которое вряд ли кто решился бы, прекрасно зная характер Тимура.

В разгар торжества я вдруг поняла, что чего-то жду. Еще в соборе я растерянно оглядывалась, выискивая кого-то. А вот в ресторане пришло озарение: я ждала, что появится Лукьянов. Не его ждала, нет. Но была уверена, он такое событие не оставит без внимания. И с беспокойством поглядывала на охрану: что, если они здесь не для того, чтобы избавить нас от досужего любопытства, а совсем по другой причине? Такие мысли особой радости не доставляли, так что желал того Лукьянов или нет, но свадьбу мне он умудрился подпортить. Хотя винить его в этом глупо, раз такими мыслями изводила я себя сама.

В половине десятого Тимур поблагодарил гостей за поздравления и поспешил со всеми проститься. После чего мы отправились к нему, то есть в его квартиру. Осознание того, что мысли о Лукьянове явились ко мне так не вовремя, возымело совершенно неожиданное действие: я решила, что виновата перед Тимуром, и вознамерилась загладить свою вину. Не знаю, о чем думал он, но на мой немой призыв он откликнулся с большим воодушевлением, и брачным ложем нам на время стал паркет в прихожей. Роскошное платье было безнадежно испорчено, зато мы оба чувствовали себя так, точно сливались в объятиях впервые. Под утро, совершенно обессиленная и до неприличия счаст-

ливая, я усмеялась, пристроив голову на плече Тимура, потому что за эту сумасшедшую ночь и мое женское счастье смело могла благодарить все того же Лукьянова. Знай он об этом, непременно зашелся бы в хохоте.

На следующий день мы улетели в Рим, но за неделю мало что там увидели, по большей части находясь в постели, как и положено молодоженам, а через десять дней я вышла на работу, и тут начались мытарства сослужащих. С одной стороны, они считали себя обязанными меня поздравить, с другой — опасались, что поздравления выйдут им боком, ведь они понятия не имели, как к перемене в моей судьбе отнесся Дед. Я в ответ демонстрировала большое счастье, то есть, нацепив улыбку от уха до уха, носилась по коридорам. Разумеется, Тимур мог бы задать вопрос: а почему, собственно, мне столь необходимо работать у Деда? Посадить меня дома он все-таки не планировал, справедливо полагая, что домохозяйки из меня не выйдет, коли за долгие годы я привыкла совершать трудовые подвиги и очертя голову лезть туда, куда, по большей части, соваться меня не просили. Но в городе для меня работа, безусловно, нашлась бы. Однако он этого вопроса не задал, за что я была ему благодарна хотя бы потому, что ответа на него и сама не знала. Начать жизнь заново далеко не так просто, как порою кажется, вот я и решила не торопиться. Зато Тимур сразу же заявил: жить в квартире, подаренной мне Дедом несколько лет назад, он не намерен. Тут пришлось согласиться мне. И мы с собакой Сашкой скоренько переехали к нему. Но этого моему мужу показалось мало.

— Твою квартиру надо продать, — сказал он, и я опять-таки вынуждена была согласиться. Реши я ее оставить, Тимур мог бы подумать, что я считаю: наш брак продлится недолго, и я надеюсь вернуться в родные пенаты. Квартиру продали.

Камнем преткновения едва не стала смена фамилии, то есть мне-то было все равно, какую фамилию

носить. Тимур настаивал, чтобы я стала Тагаевой, но Дед об этом ничего слышать не желал.

— Как ты себе это представляешь? — рявкнул он, когда я сообщила ему о возможном изменении моих паспортных данных. — Мало того, что ты связалась с этим типом... я хотел сказать, мало того, что ты выбрала в мужа малоподходящего человека, ты еще хочешь носить его фамилию, хотя должна понимать: она для очень многих людей точно красная тряпка для быка. В моем окружении не может быть человека с такой фамилией, — безапелляционно закончил он.

— Хочешь меня уволить? — невинно полюбопытствовала я, наблюдая за тем, как лицо Деда идет пятнами.

— Еще чего. Поговори с ним, он должен понимать...

Тимур, как оказалось, ничего понимать не собирался, хотя в словах Деда кое-какая истина содержалась. Тимур в городе считался человеком с сомнительным прошлым, говоря попросту, криминальным авторитетом, пусть в последнее время вспоминали об этом все реже и неохотнее и все чаще называли его не иначе, как крупным бизнесменом. Однако рассчитывать на то, что все об обстоятельствах его биографии разом забудут, не приходилось, оттого позиция Деда была в общем-то мне понятна, не стоило гусей дразнить. Переговоры грозились зайти в тупик, о чем я поставила Деда в известность, намекнув, что муж в этом смысле непреклонен. Дед, матерно выругавшись и побегав по кабинету, предложил компромисс:

— Почему бы тебе не носить двойную фамилию?

— Глупость какая, — буркнула я в ответ, но, поскучав и поерзав, поехала к Тимуру.

— Что он от этого выгадает? — хмыкнул тот.

— Соратники не станут тыкать в него пальцем, — пожалала я плечами. — По крайней мере, приличия будут соблюдены. А для Деда это важно. На работе я останусь Рязанцевой, а в остальное время Тагаевой. По-

моему, это разумно, — добавила я. — В знак большой благодарности за жест доброй воли с твоей стороны обязуюсь не лезть в твои дела. По возможности, — закончила я со вздохом. — То есть я, конечно, полезу, но до определенных пределов и только с твоего согласия.

— Мы что, торгуемся? — усмехнулся Тимур, а я кивнула:

— Вроде того.

— Черт с ним, — махнул он рукой, и я стала обладательницей двойной фамилии, о чем широкая общественность так и не узнала. Мое желание не соваться куда не просят, было вознаграждено: Тимур не настаивал, чтобы я избавилась от прежних привычек, и раз в две недели, а бывало и чаще, я отправлялась на встречу с Лялиным и Вешняковым — пивка попить, умных людей послушать. Вот так, ко всеобщей радости, мы преодолели все препятствия, с чем я себя и поздравила. Мой пес быстро привык к новому жилищу, граждане в доме с колоннами, где обосновался Дед, вскоре успокоились, раз ничего особо выдающегося не происходило. Однако поздравить себя с началом новой жизни я не спешила, продолжая чего-то ждать. Впрочем, душой кривить не следует: ждала я, конечно, Лукьянова. Ответного шага, звонка, намека, чего угодно. Я надеялась, что он исчез так же внезапно, как и появился когда-то, да вот беда, не могла в это поверить. Или не хотела?

В ту пятницу я ехала на работу, беспричинно улыбаясь. После сумрачных дней конца марта вдруг запахло весной. Светило солнце, грязный снег на обочине дороги больше не вызывал раздражения, потому что стало ясно: это ненадолго. Еще чуть-чуть, и весна станет здесь полноправной хозяйкой, а с приходом весны люди чувствуют себя счастливыми просто так, оттого что солнце светит, и я в этом смысле не исключение.

Бросив машину на стоянке, я направилась в свой кабинет, размышляя о том, что в такую распрекрасную погоду тратить время на возню с бумажками просто грех. Однако, вспомнив, что платят мне зарплату не за подобные мысли, а за доблестный труд, я уткнулась в компьютер, сделала несколько звонков, назначила пару встреч и поздравила себя с тем, что смогла-таки сотворить нечто полезное, весьма в этой полезности сомневаясь. Потом подумала, что не худо бы выпить чаю, и отправилась к Ритке. На самом деле я просто решила дать себе поблажку и на время отлынить от работы.

Ритка царственно восседала в приемной Деда. К работодателю она всегда относилась с уважением, которого он, безусловно, заслуживал, и с любовью, которая временами меня поражала. Дед слыл покорителем женских сердец, совершенно справедливо, кстати, ибо количество его избранниц давно перевалило за сотню. Но Ритки в этом длинном списке не было, о чем мне доподлинно известно. Как-то шутя я задала Деду вопрос: с какой такой стати он обошел ее вниманием? Ответ не замедлил последовать, причем ответил он серьезно: «Рита прекрасный работник и человек хороший». Я скроила скорбную мину, намекая на невысказанный вопрос, это что же получается: Дед из всех баб выбирал лишь никудышных работников и скверных людей? Но, поразмышляв немного, вынуждена была согласиться с его логикой: роман был бы весьма непродолжительным, и Дед, скорее всего, лишился бы верного помощника и причинил боль хорошему человеку. Сама Ритка объясняла сложившуюся ситуацию еще проще: «И без меня есть кому подол перед ним задирать. Хотя, если б он предложил, я бы не отказалась. Не потому, что начальство уважаю, а потому, что Дед единственный мужик, кто это уважение заслуживает». — «Звучит несколько витиевато», — съязвила я тогда, а Ритка хмыкнула: «А мне плевать, как звучит».

Мы с ней были давними подругами и в нашем серпентарии по-настоящему могли доверять только друг другу, а разногласия в оценке поступков Деда на этом доверии никак не сказывались.

— Привет, — кивнула Ритка, взглянув на меня. Я покосилась на заветную дверь.

— У себя?

— У себя. Но занят. До 16.30 все расписано, так что загляни попозже.

— Я вообще-то чаю хотела выпить.

— Это пожалуйста, — улыбнулась она.

На третьем этаже был бар, но посещала я его не часто. Ритка заварила чай, поглядывая на меня с сомнением. Наконец произнесла:

— Выглядишь довольной.

— Я не выгляжу, я такая и есть: всем довольная.

— Хорошо, коли так.

— Мне непонятен ваш скептицизм, уважаемая, — хмыкнула я.

— Дед говорит, это твое замужество... — начала Ритка.

— Это мое замужество, а не его, так что лучше бы он помалкивал.

Она вздохнула.

— У тебя правда все хорошо?

— Конечно, правда. Сашка привык к новому жилью, и у меня нет причин жаловаться.

— Хотела тебя на дачу пригласить, — пододвигая мне печенье, сообщила Ритка. — Но твой Тагаев тебя, поди, не отпустит и сам не поедет.

— Мой Тагаев сегодня уехал в Москву, вернется завтра, ближе к вечеру, так что мы с Сашкой весь день в твоём распоряжении.

— Тогда после работы махнем? — улыбнулась она.

— Махнем, — согласно кивнула я, тут дверь Дедова кабинета распахнулась, и на пороге появился мужик, высокий, подтянутый, с моложавым лицом и ед-

ва заметной сединой в роскошной шевелюре. О таких принято говорить: красавец-мужчина.

— Всего доброго, — приятно улыбнувшись Ритке, сказал он и направился к выходу, чуть задержав взгляд на мне.

— До свидания, — пропела она, с плотоядной улыбкой глядя ему вслед. — Н-да, — добавила со вздохом, когда дверь за ним закрылась.

— К чему стоит отнести твое скорбное «н-да»? — усмехнулась я.

— Тебе, как новобрачной, этого не понять, — хмыкнула в ответ Ритка. — А я, женщина, не обремененная супружеским счастьем, смотрю на такое сокровище сцепив зубы. У нас взгляд положить не на кого, что тебе хорошо известно, а этот зачистил и меня волнует.

— Ну так и прибери его к рукам, — поддразнила ее я. — Чего добру пропадать?

— Репутация у парня: отличный семьянин.

— А ты наплюй на репутацию. Кстати, что за тип?

— Корзухин Владимир Сергеевич, между прочим, говорят, наш будущий мэр.

— Вот как? — подняла я брови. — А нынешний об этом догадывается?

— Вряд ли, — хихикнула Ритка.

— Занятно. Его пресс-секретарь как раз вчера уверял, что шестьдесят процентов голосов у них в кармане.

— Пусть побахвалится немного. Дед нынешним мэром недоволен, о чем тебе хорошо известно, так что шестьдесят процентов голосов они смело могут засунуть себе в задницу.

Что да, то да. Если Дед кем-то недоволен, того никакие голоса не спасут. Наш хозяин всегда добивается своего не битьем, так катаньем.

— Откуда взялся этот Корзухин? — не унималась я. — Почему я о нем раньше ничего не слышала?

— Потому что не интересовалась. Да и он парень скромный, наперед батьки в пекло не лезет. У нас

обосновался года три назад, приехал из района. Бабки у него водятся, и немалые, теперь вот решил народу послужить, — Ритка опять расплылась в улыбке. — Кстати, они с твоим Луганским большие приятели.

— Луганский не мой, хотя парень неплохой, и я его очень даже уважаю. Вряд ли он выберет в приятели скверного человека. Так что Деду следует хорошо подумать. — Я подмигнула Ритке, а она в ответ махнула рукой.

— Я тебя умоляю... — Тут в приемной появился Дед, в миру Кондратьев Игорь Николаевич, прозвище так к нему прилипло, что за глаза его последние несколько лет иначе никто не называл. Хотя шестидесятилетие он успел отметить давно, своим прозвищем он обязан отнюдь не возрасту. Скорее это было безусловным признанием старшинства, и соратники и враги произносили его с одинаковым уважением. Прожитые годы отложились на лице Деда сеткой морщин у глаз и суровыми складками возле рта и носа, которые, кстати, его совсем не портили, а скорее добавляли ему шарма. Спина прямая, взгляд твердый и походка уверенного в себе человека. Его многочисленным бабам было от чего впадать в экстаз.

Деда я знала много лет и, честно говоря, затрудняюсь представить его другим. Лет двадцать, по моим подсчетам, он выглядел примерно одинаково: сильный мужчина с несгибаемым характером.

— Рита... — начал он и тут обратил внимание на меня. — Чего тебе? — спросил весьма нелюбезно.

— Ничего, — развела я руками. — Чай пью.

— Могла бы найти себе более достойное занятие.

— Пойду поищу, — не стала я спорить и поспешно удалилась. Дед был явно не в духе, а в такое время следует держаться от него подальше.

Я вернулась к себе и развила бурную деятельность, но при первой возможности смылась из родного серпентария, благо что на пятнадцать ноль-ноль у меня была назначена встреча. Закончилась она в пять вече-

ра, и я подумала, что возвращаться на работу нет никакого смысла, потом вспомнила про Ритку и позвонила ей.

— Планы не изменились? — полюбопытствовала я.

— Дед предупредил, что придется задержаться часов до семи. Ты как?

— Буду искать себе занятие до семи, — вздохнула я.

— Чего ты вечно к его словам цепляешься? — возмутилась Ритка.

— Я не цепляюсь, а выполняю директивы. Ладно, пока.

На работу все-таки пришлось вернуться, данный факт не вызвал у меня энтузиазма, еще меньший энтузиазм он вызвал у моих сотрудников, у них были свои планы на этот вечер, и мое появление грозило их нарушить.

— Всем спасибо, все свободны, — провозгласила я, скрываясь в кабинете, народ вздохнул с облегчением и потянулся к выходу.

Я корпела над бумагами и совсем забыла про время, так что Риткино появление восприняла с удивлением.

— Уже семь? — подняв голову, спросила я.

— Уже. Погнали отсюда, я устала, как собака. Не терпится оказаться на природе, в спокойствии и довольстве.

— Дед уехал?

— Пока нет, но машину уже вызвал. Зачем он тебе?

— Просто спрашиваю. Ты домой заедешь?

— Ни малейшего желания, — Ритка покачала головой. — Муженек опять в запое, видеть его рожу просто сил нет.

— Слушай, чего ты с ним не разведешься? — задала я вопрос, который давно уже меня интересовал.

— Потому что без меня он через пару месяцев окажется в сточной канаве. Кто говорил: мы в ответе за тех, кого приручили?

— Сент-Экзюпери, — пожала я плечами.

- Чего? — нахмурилась Ритка.
- Писатель такой был, француз.
- Все французы бабники.
- Ты хоть с одним знакома? — съязвила я.
- С тремя. Осенью у нас делегация была, ты что, забыла? Один мне между прочим до сих пор звонит...

Мы двигались по пустому коридору, непривычно тихому, свернули к лифтам и здесь неожиданно столкнулись с Дедом.

- Домой? — спросил он, сурово на меня глядя.
- К Рите, на дачу, — ответила я.
- А где твой... Тагаев? — сердито произнес Дед.
- В Москве. Вернется завтра.

Подошел лифт, спускались мы в молчании. На выходе из лифта я притормозила, пропуская Деда вперед, он пружинистой походкой пересек холл, обернувшись, что-то намереваясь сказать, но передумал и скрылся за дубовой дверью. Выйдя из здания вслед за ним, мы наблюдали, как он садится в свою машину.

— После твоего замужества он сам не свой, — точно жалуясь, заметила Ритка.

— Привыкнет.

— Привыкнет, — передразнила подруга. — Он тебя любит.

— Но странную любовь, — развеселилась я. — Я его, кстати, тоже. Не победит ее рассудок мой.

— Он бы вел себя иначе, — сказала она, — если бы был уверен, что ты любишь своего мужа.

— Я его люблю.

— Ты сама-то в это веришь?

— Все больше и больше. Особенно, когда вы, будто сговорившись, пытаетесь убедить меня в обратном.

— Дед очень одинок, — помолчав немного, добавила она со вздохом.

— Это легко поправимо, если ты о женской заботе и ласке.

— Я не об этом.

— Слушай, давай сменим тему, — не выдержала я.

— Ты давно виделась с Лялиным? — спросила Ритка, когда мы выехали со стоянки.

— На прошлой неделе, — ответила я, удивляясь, с какой такой стати ее это интересует.

— Да? Твой Тагаев не против?

— Тебя послушать, так он держит меня на цепи.

— А разве нет?

— Вот что, дача, пожалуй, отменяется. Отвезу-ка я тебя домой.

— Ладно, не злись. Я совершенно не знаю, что мне делать. Деда жалко до ужаса, за тебя боязно. Вдруг Дед прав и ты по обыкновению сваяла дурака?

— Ага, я такая.

— Когда вы просто жили с Тагаевым, еще была надежда, что все как-то устроится и вы с Дедом...

— Нас с Дедом давно уже нет. И ты это хорошо знаешь. Кстати, он уверял меня в припадке великодушия, что будет рад нянчить моих детей. Чего ж тогда переживать? Все хорошо в этом лучшем из миров, и все довольны.

— Кабы так... — в который раз вздохнула Ритка.

— Ну, вот, твой дом, — через некоторое время сказала я.

— До чего ж у тебя характер скверный, — возмутилась подруга. — Поехали на дачу. Обещаю заткнуться, — покаянно добавила она.

— Болтай на здоровье, например, про Корзухина. Все-таки странно, что я его раньше не встречала, — последнее замечание скорее было размышлением вслух.

— Красавец, правда?

— Несколько староват для тебя, не находишь?

— Что толку от этих молодых, — отмахнулась Ритка. — Конечно, Корзухину до нашего Деда далеко, но в нем что-то есть...

— Возможно, — не стала я спорить. — Но, судя по всему, ничего великого он совершить не успел, если я о нем даже не слышала.

— Просто последнее время ты где-то в облаках витаешь, оттого и не слышала. Будет у нас мэр-красавчик...

— Красавчик — это здорово, послал бы бог толкового. Хотя это вряд ли, Дед возле себя инициативного товарища не потеряет.

— Почему ты к нему так несправедлива? — всплеснула Ритка руками.

— Просто я очень хорошо знаю нашего вождя и учителя. Зайдешь? — Мы как раз остановились возле дома, где я теперь жила, Ритке здесь бывать еще не приходилось.

— Взгляну, — кивнула она. — Любопытно все-таки.

Мы поднялись в квартиру. Подруга прогулялась по ней, пока я собирала Сашкины вещи: поводок, миску и корм, и заметила:

— Недурственно. Кто из дизайнеров руку приложил: наши или московские?

— Питерские, насколько мне известно, а известно мне немного. Но если хочешь, спрошу Тимура.

Я запихнула Сашку в сумку, сообщив ему, что мы едем на дачу. Новость пес воспринял благосклонно.

— Все-таки я не понимаю, как такое могло произойти, — покачала головой Ритка.

— Это ты о чем?

— Как ты могла... вы вообще люди с разных планет. Ты и твой Тагаев.

— Он полюбил мою собаку, этого оказалось достаточно, чтобы растопить лед моего сердца.

— Как же мне надоели твои шуточки, — поморщилась подруга. — Хоть бы раз поговорила со мной серьезно. Ведь я не чужой тебе человек.

— Это точно. Потопали, родная.

Мы покинули квартиру и вскоре уже подъезжали к Риткиной даче, благо что до нее было рукой подать. Добротный двухэтажный дом находился в поселке Радужный, в двенадцати километрах от города. Дом Ритка купила недавно, всего полгода назад, подозреваю, с

одной целью: держаться на расстоянии от супруга, ему появляться здесь было категорически запрещено. Риткин муж, создание непутевое и на редкость слабохарактерное, возражать жене никогда не решался. Только благодаря Риткиным стараниям его еще держали на работе, а работал он завгаром в городской администрации. Пьяным на глаза сослуживцам он не показывался, а трезвым его застать было практически невозможно, так что Риткин супруг был человеком-невидимкой, она называла его бревном за приверженность к родному дивану, где он проводил большую часть жизни. Как-то Ритка заявила ему, что простить может все, кроме измены, супруг это запомнил и табу не нарушал, справедливо полагая, что жене нужен лишь повод, чтобы от него избавиться, хотя, с моей точки зрения, поводов и так было хоть отбавляй, но Ритка думала иначе.

Дом был куплен на деньги Деда. У Ритки имелись кое-какие сбережения, но их было явно недостаточно, она собиралась взять кредит в банке. Дед предложил ей деньги в долг, на сто лет и без процентов. Ритка, рассказывая об этом, обливалась слезами умиления. Широкая натура Деда была хорошо известна, и, поступи он иначе, я бы просто удивилась, хотя меня, если честно, слегка задело, что о предполагаемой покупке и нехватке денег мне она ничего сказать не пожелала. Денег у меня куры не клюют, благодаря все тому же Деду, и я понятия не имею, что с ними делать.

Я остановила машину возле металлических ворот, Ритка вышла, открыла калитку, а затем и ворота, и я въехала во двор. Сашка, выбравшись из сумки, с интересом поглядывал в окно.

— Радуйся, пес, — сказала я. — Сейчас гулять пойдем.

Распахнула дверь, он выскочил, ткнулся носом в снег, чихнул и громко тьякнул. Ритка, взяв его на руки, вошла в дом, я за ней, прихватив пакеты с провизией: по дороге мы заехали в супермаркет.

Пока мы убрали продукты в холодильник, Сашка носился по просторному холлу, вид имел совершенно счастливый, и я за своего пса порадовалась. Ритка поставила чайник, а я позвонила Тимуру.

— Как дела? — спросила весело.

— Скверно.

— С чего вдруг?

— Нетрудно догадаться, ведь тебя нет рядом.

— Твои планы не изменились?

— Нет, завтра к вечеру буду дома. Скажи мне, что скучаешь.

— Скучаю. Очень. Я на даче у Ритки. Мы с Сашкой решили, что это гениальная идея.

— Привет ушастому.

— Пес, тебе привет от Тимура! — крикнула я. — Когда вернешься в гостиницу?

— Поздно. Я тебе позвоню.

Мы простились, Ритка прислушивалась к нашему разговору и заметила неуверенно:

— Может, ты его правда любишь?

— А я о чем говорю? Пойдешь с нами гулять?

— Давай хоть чаю выпьем, — возмутилась она.

Через полчаса мы отправились на прогулку. В сотне метров от Риткиного дома начинался лес, однако там еще лежал снег, да и в темноте бродить среди деревьев занятие не из приятных, и мы пошли в противоположном направлении вдоль дороги. Сашка весело бежал впереди, время от времени тьявка, и умудрился возбудить всех местных собак. Из-за ближайших заборов несли отчаянный лай, что наполняло гордостью моего пса и явно улучшало ему настроение.

Возле одного из домов мы увидели женщину, она приблизилась к калитке и окликнула нас.

— Приехали? — спросила, обращаясь к Ритке. — А я смотрю, свет горит, вот и решила проверить.

Это оказалась местная пенсионерка, Людмила Васильевна, она присматривала за Риткиным домом.

— Добрый вечер, — ответили мы, направляясь к ней.

— Собака-то не убежит? — проявила она заботу, с сомнением глядя на Сашку. Тот с недовольством на нее уставился, тряхнул головой, точно намеревался сказать «что за странные мысли», а потом потрусил к дому напротив, деревянному, давно не крашенному, в одном из окон которого горел свет.

— Калягины дом продали, — кивнула в том направлении Людмила Васильевна. — Или сдали. Видать, все-таки продали. Бабка у них прошлой зимой померла, а они в Пскове живут, почто им здесь дом? Теперь вот мужчина живет с малым ребенком. Соседка говорит, жена у него родами померла. Он у соседки молоко покупает, она корову держит. Вот ведь беда какая, остался один с ребеночком. Вера, соседка, вся испереживалась. Чем помочь, не знает. Мужчина-то нелюдимый, все больше молчит, ни с кем не знается, оно и понятно: горе такое.

— Давно он здесь поселился? — спросила Ритка, желая поддержать разговор.

— Да уж недели две, как приехал.

— Откуда приехал?

— Видно, из города. Не больно он разговорчив, вот и не знаем ничего толком. Он из дома почти не выходит, если только в магазин да за молоком к соседке... Вы до воскресения останетесь? — сменила она тему.

— Нет, завтра к вечеру уедем.

— Если что понадобится, я дома.

Мы простились, женщина вернулась к себе, а мы продолжили прогулку.

— Странная идея поселиться в деревне, — вдруг заметила Ритка, оглядываясь на дом, который мы не так давно миновали. — Я мужика этого имею в виду.

— Почему же странная? — пожала я плечами. — Ребенку нужен свежий воздух, опять же молоко.

— В городе как-то проще, мне кажется. Хотя поселок большой, поликлиника здесь есть. Правда, с работой туго.

— Если ребенок маленький, вряд ли отец работает.

— Все-таки странно, — повторила Ритка. Я пожала плечами. Обогнув поселок по кругу, мы вернулись к Риткиному дому. — Холодно, — поежилась подруга. — Пойдем телек посмотреть, что ли?

— Ты как, пес? — обратилась я к Сашке, он направился к калитке, давая понять, что телевизор посмотреть совсем не против.

Мы поужинали и часа два провели в гостиной возле камина, неспешно разговаривая. Сашка задремал, лежа у моих ног, и я решила, что мне тоже пора на покой. Риткина спальня была на втором этаже, мне подруга постелила в комнате на первом, что меня вполне устроило — Сашка терпеть не мог лестницы. К тому же Ритка любит почитать перед сном, я же книг принципиально не читаю.

Только мы с Сашкой устроились на ночлег, как позвонил Тимур. Встреча и последовавший за ней ужин прошли успешно, он уже был в гостинице, о чем мне и сообщил. Воспользовавшись тем, что Тимура нет рядом, пес улегся на кровать, подумал и перелез ближе к моей физиономии, устроил голову на подушке и вскоре засопел. Мне же не спалось, я лежала в темноте и пыталась понять причину своего внезапного беспокойства. Все было расчудесно в этот вечер, а потом явилось это чувство и теперь заставляло меня нервно ворочаться в постели, мешая Сашке. Наверху, в Риткиной комнате, погас свет, а я все пялилась в потолок, словно ища там разгадку. Сашка, недовольный тем, что я без конца верчусь, ушел в ноги, и теперь я не решалась пошевелиться, чтобы и там его не побеспокоить.

Мысли начали путаться, и вдруг на грани сна и

яви всплыли слова соседки о мужчине с ребенком. Я трянула головой, прогоняя дрему, и мне стала ясна причина моего вечернего томления. Все дело в этом доме, точнее, в его обитателях. Мужчина и маленький ребенок. О чем я подумала сейчас? Глупость. И все же...

— Давай-ка спать, — буркнула я себе под нос и закрыла глаза.

Кажется, уснула я довольно быстро, но сон был недолгим. И разбудил меня Сашка. Он глухо рычал над моим ухом. Открыв глаза, я обнаружила, что он, сидя на подушке, пялится в окно.

— Ты чего? — приподнимаясь на локте, спросила я.

Сашка смущенно трянул головой, но тут же вновь зарычал. Шторы на окне не было, только тюль, сквозь темноту проступали силуэты деревьев в саду, но вряд ли они могли заинтересовать моего пса.

Сначала я решила не обращать внимания на его чудачество, списав его на то, что Сашкино беспокойство объясняется новым местом, но так как и меня посетила тревога, вскоре передумала и подошла к окну. Отдернула тюлевую занавеску. Потом повернула ручку стеклопакета и распахнула одну створку. Холодный воздух заставил меня поежиться. Я прислушалась: тишина. Сашка теперь помалкивал, наблюдая за мной. Взглянув на него, я покачала головой, а потом, как была в пижаме и тапочках, взобралась на подоконник и, недолго думая, выбралась на улицу. На мокром камне дорожки, что огибала дом, следы вряд ли могли отпечататься, но я все равно присела, разглядывая плиты у себя под ногами. Потом дошла до угла дома, взглянула на калитку, в свете фонаря напротив она была хорошо видна. Калитка заперта на засов. В еще зимнем саду спрятаться невозможно.

У соседей залаяла собака, Сашка ответил, не стерпев, а я вернулась к окну.

— Чего на тебя нашло? — выговаривала я ему, влезая на подоконник. — Ты на луну рычишь, что ли? — Луна, кстати, висела над домом точно фонарь.

Я забралась под одеяло, спеша согреться. — Будешь мешать спать, выгоню, — пригрозила я, Сашка плюхнулся рядом и вздохнул виновато. — Ты городской пес, — погладив его, совсем другим тоном сказала я. — Вот тебе и мерещится бог знает что.

Однако беспокойство отнюдь не исчезло, более того, стало ясно: мне очень хочется взглянуть на соседа, о котором говорила Людмила Васильевна, но предполагаемое знакомство пришлось отложить до утра.

Утром я проснулась часов в девять. Осторожно поднялась, стараясь не разбудить Ритку, собиравшуюся спать до обеда, выпила чаю и пошла гулять с собакой. Разумеется, деревянный дом под номером двадцать три очень меня занимал, к нему я и направилась. Дом окружал забор, между ним и оградой соседского дома шла тропинка в сторону леса, снега на ней почти не осталось. Под утро чуть подморозило, и идти можно было, не утопая в грязи. Деревянные доски забора успели подгнить и едва держались. Через многочисленные щели между ними было хорошо видно пространство возле дома, скамейка рядом с крыльцом, ржавая бочка под водосточной трубой и детская коляска. Вдруг скрипнула дверь, я повернула голову и увидела, как на крыльцо вышел мужчина в куртке армейского образца и вязаной шапке. Он начал спускаться по ступенькам, а я шагнула назад с намерением как следует его разглядеть.

Но он неожиданно повернул и весьма поспешно скрылся в доме, лица его я так и не увидела, в досаде чертыхнулась и поспешила в сторону леса, удивляясь, почему вдруг этот факт вызвал у меня такое раздражение. Неужто я в самом деле решила... Вернуться, войти в калитку, позвонить в дом и спросить какую-нибудь глупость? Это лучше, чем бродить здесь с неопределенной целью. Однако делать я этого не стала. Мы прогулялись с Сашкой вдоль кромки леса и пошли на-

зад. Коляска все еще стояла возле крыльца, мужчины видно не было.

Вернувшись домой, я убедилась, что Ритка нарушила свои планы и, вместо того, чтобы видеть сны, жарит блины на кухне.

— Как погода? — спросила она.

— Отличная.

Завтракать сели на веранде. Отсюда интересовавший меня дом был хорошо виден, и взгляд мой то и дело к нему возвращался. Когда мы уже собрались покинуть веранду, из калитки вышел мужчина все в той же куртке и шапке и направился к дому по соседству. Ритка, проследив мой взгляд, заметила:

— Это, наверное, тот самый парень, о котором Людмила Васильевна говорила.

— Наверное, — согласилась я, пристально вглядываясь. Выше среднего роста, широкоплечий. В походке, в манере держать голову ничего знакомого. Однако это меня не успокоило. Лица его я видеть не могла и пожалела об этом. Я попробовала отвлечься от навязчивых мыслей и преуспела в этом, чему немало способствовала Ритка. Поболтать она любила, и я, кстати, тоже. В атмосфере дружбы и взаимопонимания день прошел незаметно.

В шестом часу позвонил Тимур и сообщил, что выехал из Москвы. Через некоторое время и мы начали собираться домой, оставаться здесь в одиночестве Ритка не пожелала. Сашка с сожалением забрался в сумку, я, выгнав машину за ворота, ждала подругу, пока она запирала дверь. Взгляд мой против воли возвращался к деревянному дому за шатким забором. Наконец Ритка устроилась в салоне рядом, я не спеша тронулась с места, но, поравнявшись с домом номер двадцать три, затормозила и решительно вышла из машины.

— Ты куда? — удивилась Ритка, но я оставила ее вопрос без внимания и поспешила к калитке. Она была не заперта. Коляска так и стояла возле крыльца, я

заглянула в нее, она оказалась пуста. Толкнула дверь дома, та не подалась. Звонок рядом с дверью отсутствовал. Я постучала, сначала тихо, потом громче, косясь на окно по соседству. За тюлевой занавеской возник силуэт. Я терпеливо ждала, но открыть мне не желали.

Шагнув к окну, я стукнула по стеклянной поверхности, чувствуя на себе взгляд из-за занавески, в доме было тихо, ни звука шагов, вообще никаких звуков, но, без сомнения, хозяин находился рядом. Подождав еще немного, я направилась к машине.

— В чем дело? — хмурясь, задала вопрос Ритка, она стояла рядом с калиткой, наблюдая с недоумением за моими действиями.

— Захотелось взглянуть на этого парня, — ответила я, понимая, что объяснений не избежать.

— Да? — Должно быть, Ритка пыталась найти причину моего поведения и, не найдя, решила, что я о ней поведаю. Беда в том, что причину я и сама толком не знала. Поверить, будто здесь вдруг обосновался Лукьянов, было безумием, а чем еще мог заинтересовать меня хозяин дома? «Наверное, все дело в ребенке», — решила я.

— Хочешь ему помочь? — приглядываясь ко мне, задала вопрос Ритка, когда мы, устроившись в машине, поехали дальше.

— Чем, интересно? Вернуть ему жену?

— Тогда что? Порой я совершенно не в состоянии понять твои поступки.

— Порой я тоже, — согласно кивнула я. — Набери номер Ларионова.

Эта просьба вызвала у нее легкий шок.

— Да что происходит?

— Пока сама не знаю.

Ритка набрала номер и протянула мне мобильный. Ларионов, начальник Дедовой охраны, моему звонку совсем не обрадовался. Отношения наши хорошими не назовешь. Я считала его мерзавцем, он мною тоже

вряд ли восторгался, но мы терпели друг друга, раз уж вместе работали на Деда, а тот склок не жаловал.

— Привет, — со вздохом сказал Лев Иванович.

— У меня к тебе дело. Узнай, кто в настоящее время живет по адресу: поселок Радужный, улица Спортивная, дом двадцать три.

— Это что, срочно? — с намеком на возмущение уточнил Ларионов, должно быть, злясь, что я беспокою его в выходной.

— До понедельника подождет, — ответила я и хлопнула крышку мобильного.

— Ты наконец скажешь, в чем дело, или мне так и придется голову ломать? — проворчала Ритка.

Об истинном положении вещей она не догадывалась, то есть не знала о моих сомнениях и желании Лукьянова убедить меня в том, что мой ребенок жив, а объяснить ей, почему меня вдруг заинтересовал ее сосед по даче, не рассказав об этом, я не могла, оттого и предпочла отмалчиваться.

— Черт-те что, — покачала она головой.

В понедельник, сразу после планерки, мне позвонила Ритка.

— Слушай, помнишь, мы в пятницу говорили о Корзухине?

— Нашем будущем мэре? — усмехнулась я.

— Я только что узнала, он стал вдовцом.

— Не поняла, ты радуешься или соболезуешь?

— Не болтай глупостей. Тут Ларионов топтался, говорит, в ночь с субботы на воскресенье произошел несчастный случай, и жена Корзухина погибла, но толком пока никто ничего не знает.

— Никто — это нормально, а вот Ларионову следовало бы знать, — не удержалась я от желания покритиковать начальника охраны. Лялин, когда был на его месте, знал все, причем иногда еще до того, как событие произошло, отчего я уверовала в его дар предвиде-

ния. На самом деле от пристального внимания Лялина ничто не ускользало, а в умении из разрозненных деталей сложить ясную картину ему нет равных. Ларионов на такое попросту не способен, зато у него есть другие полезные качества, что и позволяет ему уже довольно длительное время держаться в своем кресле.

— Ужас, что творится, — пробормотала Ритка, и я с ней согласилась.

Не успела я повесить трубку, как в моем кабинете появился предмет моих недавних размышлений, то есть сам господин Ларионов.

— Слышала новость? У Корзухина жена погибла, — заявил он прямо от порога.

— Да? Я и про Корзухина ничего не слышала, — не отводя взгляда от компьютера, ответила я.

— Брось. Дед имеет на него виды.

— Серьезно? Мне он об этом не говорил. Узнал, о чем я просила?

Он потоптался немного в недоумении, но все-таки вспомнил о субботнем звонке.

— Времени не было. Еще эта новость. Очень некстати этот несчастный случай. Я хочу сказать, Дед, скорее всего, так решит.

— Решит или нет, но изменить вряд ли что уже сможет, — философски изрекла я.

— Я уверен, нам предстоят нелегкие деньки, — покачал головой Ларионов. — Когда Дед не в духе, а он не в духе...

— Слушай, займись делом, — предложила я. — И не отвлекай меня от работы.

Ларионов засопел и удалился. Однако часа через два вновь возник в моем кабинете и, устроившись без приглашения в кресле, сообщил:

— Никто там не живет. Хозяйка дома умерла в прошлом году, дом унаследовала дочь, прописана в Псковской области, так что...

— Это я и без тебя знаю, — ответила я, наблюдая за тем, как меняется его физиономия, мгновение на-

зад его распирало от самодовольства, теперь он заподозрил подвох и насторожился. — В доме живет мужчина с ребенком, вот и выясни, кто такие.

— Зачем?

— Лев Иванович, тебе деньги платят не за то, чтобы ты мне вопросы задавал. А объяснять тебе, что и зачем, я не собираюсь. Пока, по крайней мере.

— Между прочим, я всегда иду тебе навстречу. И ты могла бы...

— Могла бы, — кивнула я. — Но не буду. — Я надеялась, что после этих слов он удалится, но Ларионов продолжал сидеть, разглядывая свои ботинки. А я разглядывала его. В конце концов мне это надоело. — Эй, скажи, где ты. Не докричусь, так, может, дозвониться смогу?

— Тут один тип объявился, — вдруг произнес он. — Вопросы задавал.

— Какой тип? — нахмурилась я.

Ларионов вскинул голову, посмотрел на меня, внимательно посмотрел, я ожидала продолжения, но он вдруг передумал. Буркнул:

— Так, ерунда, — поднялся и вышел из кабинета, оставив меня гадать, что он имел в виду. Ясно, что тип не с улицы появился и вопросы задавал не просто так. Что ж за тип такой? И почему Ларионов сначала заговорил о нем, а потом разговор прервал?

— К черту, — буркнула я и решила сосредоточиться на работе.

На следующий день Ларионов вновь заглянул в мой кабинет, кивнул на часы, висевшие на стене, и предложил:

— Идем обедать.

Это предложение прозвучало для меня несколько неожиданно, хотя сам Лев Иванович, скорее всего, не видел в нем ничего особенного. Где ему знать о моей привычке не вкушать хлеб с разными мерзавцами. Пе-